

На правах рукописи

М. Подхомутова

ПОДХОМУТНИКОВА МАРИНА ВИКТОРОВНА

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СУБЪЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

**Специальность 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Краснодар 2010

Диссертация выполнена на кафедре социологии ГОУ ВПО «Кубанский
государственный университет» (г. Краснодар)

Научный руководитель: доктор политических наук, доктор
исторических наук, профессор
Баранов Андрей Владимирович

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Папкратов Сергей Анатольевич

доктор политических наук, доцент
Тарасов Илья Николаевич

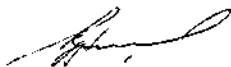
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Южный федеральный
университет»
(г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится 28 декабря 2010 года в 12 час. 00 мин. на заседании
Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.243.04 при
Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского по
адресу: 410012, г. Саратов, ул. Вольская, 10-А, корп. 12, ауд. 510.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале №3 научной библиотечки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат диссертации разослан 24 ноября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат политических наук,
доцент

И. И. Кузнецов

2010А
28353

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Функционирование политических институтов проявляется в политических практиках, воплощающих в жизнь не только формализованные правовые, но и социокультурные нормы. Причем ядро политического процесса каждого общества составляют институционализированные практики, отличающиеся большей значимостью, распространённостью и устойчивостью. Что касается менее распространенных, недостаточно освоенных практик, а также практик, противоречащих принятым в обществе правилам игры, то обычно они представляют периферию политического процесса.

Возникая как средство координации устойчиво повторяющихся форм взаимодействия, неформальные практики детализируют, трансформируют и развивают официальные нормы, которые учитывают особенности и противоречия отношений между субъектами политики, а также служат общественно санкционированными нормами поведения в сферах, не регулируемых формальными правилами. Неформальные практики весомо влияют на характер функционирования формальных институтов в таких сферах, как законодательная политика, судебная политика, партийная система, финансирование политических кампаний, электоральные процессы.

Институциональная система как совокупность правил поведения людей, регламентирующих взаимоотношения между ними, во многом определяет ход политических процессов, отношения между индивидами и социальными группами, устанавливает статусы и роли основных социальных групп в обществе, и, в конечном счете, нормы политического взаимодействия в обществе.

В этой связи оправданным является повышенное внимание исследователей к институционализации неформальных политических практик. Институциональная структура общества представляет собой важное пространство взаимодействия субъектов политики. Именно в ней постоянно идет конкуренция между органами государственной власти, которые стремятся направить деятельность индивидов и сообществ в русло, отвечающее интересам правящих элит, и рядом политических акторов, преследующих частные интересы, а подчас изыскивающих пути обхода или игнорирования формальных институтов. Итоги этой конкуренции во многом определяют тип действующих в обществе политических «правил игры».

Исследование неформальных политических практик в современной России позволяет выявить параметры общественной системы, в которой действуют политические акторы. Таким образом, актуальность темы исследования определяется тем, что без осмысления неформальных политических практик затруднительно оценить институциональную динамику политики в России.

Степень научной разработанности проблемы. Неформальные политические практики являются объектом исследований ряда социогуманитарных наук, в т.ч. – политической науки, социологии, философии XIX – XX вв. Прежде всего, выделим по значимости теоретико-методологические работы

К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Р. Мертона, П. Бурдьё, Д. Норта, М. Фуко и др.¹.

Основными теоретическими подходами к анализу неформальных политических практик выступают теории политического действия (М. Вебер, Т. Парсонс, М. Олсон, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и др.)², бихевиорализм (Г. Лассуэлл, А. Каплан и др.)³, институционализм (Дж. Мейер, Б. Роуэн, В. Скотт и др.)⁴, теории политических сетей (Р. Даль, М. Кастельс, Л.В. Сморгунов и др.)⁵. Несмотря на взаимную противоречивость, эти подходы имеют определенный потенциал взаимодействия.

Наиболее перспективным направлением анализа неформальных политических практик стали институциональные исследования. По М. Веберу, любые формы общественного действия, ориентированные на договорщность, принадлежат к категории поведения, основанного на согласии. Такое поведение есть характеристика союза. «Институциональные действия» – рациональную упорядоченную часть «союзных действий», институт – частично рационально упорядоченный союз»⁶.

Э. Дюркгейм исследовал институты, как устойчивые нормы, регулирующие поведение людей и реализующиеся в формах организации общественных взаимоотношений. Идея Э. Дюркгейма, согласно которой целостность общности обеспечивается присущей коллективному сознанию нормативностью, во многом стала методологической посылкой для разработки теории институционализма М. Орну⁷.

¹ Маркс К. Сочинения. – 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1961. – Т.19; Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990; Орну М. Основы публичного права / М. Орну. – М., 1929; Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё. – М., 1993; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М., 1997; Фуко М. Воля к истине / М. Фуко. – М., 1996; Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон. – М., 2006.

² Вебер М. Хозяйство и общество // Западная экономическая социология / М. Вебер. – М., 2004; Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000; Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М., 1995; Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuralization. Cambridge, 1984; Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. – 1993. – № 4.

³ Lasswell H., Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry. – New Haven, 1962. – P.92.

⁴ Мейер Д.В. Институционализированные организации: формальная структура как миф и ритуал / Д.В. Мейер, Б. Роуэн // Вестн. С.-Петербургского ун-та. Сер. 8. Менеджмент. – 2007. – №3; Scott W.R. Reflections on a Half-Century of Organizational Sociology // Annual Review of Sociology, 2004.

⁵ Даль Р. О демократии / Р. Даль. – М., 2000; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000; Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению / Л.В. Сморгунов // Полн. – 2001. – №3.

⁶ Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – С.538.

⁷ Орну М. Основы публичного права / М. Орну. – М., 1929.

Социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, а агенты производят практики и тем самым воспроизводят и преобразуют структуры. Практики – это, скорее, спонтанные, нежели рационально избранные действия, реализующие привычные схемы мышления и деятельности.

П. Бурдьё доказал, что социальные структуры «вне» индивида, данные в неоднаковом распределении материальных и символических благ, являются объективированными продуктами практик. Инкорпорированными, т.е. находящимися «внутри» индивида, продуктами практик являются диспозиции – предрасположенности к определенному восприятию событий и определенным образцам действий. Распределение капиталов между агентами, по П. Бурдьё, проявляются как распределение власти и влияния в этом пространстве. Капитал является не только ставкой в «игре», но и условием вхождения в саму «игру»¹.

Проблема неформальных политических практик может быть продуктивно исследована на основе неинституционального подхода. Общим для всех вариантов неинституционализма является тезис о том, что «институты важны»², поскольку их функционирование приводит к политическим, социальным и экономическим результатам, таким как политическая стабильность, устойчивая демократия, экономический рост и др. Как отмечает Д. Норт, институты уменьшают неопределенность, организуют взаимоотношения между людьми, структурируя повседневную жизнь. Предназначение институтов заключается не в том, чтобы обеспечить эффективность. Они создаются для того, чтобы служить интересам тех социальных групп, которые занимают позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил³. Д. Норт доказывает, что формальные правила можно изменить путем принятия политических или юридических решений, а неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным усилиям⁴.

М. Фуко выявляет «микрофизический» уровень взаимоотношений субъектов власти, на котором дискурсивные и недискурсивные аспекты практик власти тесно переплетаются между собой, оформляют и поддерживают друг друга, формируя специфичность жизненного мира, а следовательно, и мировоззрения человека⁵.

Основные теоретические школы неинституционализма сравниваются в публикациях С.В. Патрушева, П. В. Панова, М.А. Завадской⁶. В них определе-

¹ Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё.– М., 1993.

² Lane J.-E., Ersson S. The New Institutional Politics: Performance and Outcomes.– London; N.Y., 2000.– P.9.

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт.– М., 1997.– С.18,33.

⁴ Там же.– С.18,33.

⁵ Фуко М. Воля к истине / М. Фуко.– М., 1996.

⁶ Патрушев С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука: сб. науч. тр. – М., 2009. – №3. – С.5-19; Панов П.В. Институциональный порядок:

ны преимущества нормативного, рационального и конструктивистского подходов к анализу политической институционализации.

Прикладной анализ политических практик в современной России проведен в обобщающих работах Д.А. Авдijenко, М.С. Ильченко, П.В. Папова¹. Правовой аспект неформальных практик оценивается в работах Н.И. Глазуновой, Т.И. Заславской, М.А. Шабанова, Л.С. Мамут, В.Н. Кудрявцева, В.С. Персесянца². В них конкретизировано понятие «неформальные практики» и дана их классификация, оценивается роль «неформальных практик» в процессе те-невизации общества и согласования противоречащих друг другу норм жизни.

Экономистами возникновение неформальных практик рассматривается как естественная реакция общества на неэффективную государственную политику. Неформальные практики в этом аспекте интерпретируются как проявления «эксплояриной экономики» (С.Ю. Барсукова, А. Портес, В.В. Радаев, Р. Рывкина, В. Титов, И. Седова)³.

В рамках социологической науки неформальные практики рассматриваются как основа символического порядка, используемая для обеспечения социального контроля и организации социальных различий (П. Бурдьё, З. Бауман)⁴. В трудах Р. Мертона наибольший интерес вызывает положение о явных и латентных функциях политических практик⁵.

Политический аспект неформальных практик в современной России интерпретирован в исследованиях А.Б. Даугавет, В.В. Волкова, С.Г. Айвазовой,

подходы к осмыслению и исследованию // Там же. – С.20-38; Завдская М.А. Проблема измерения политической институционализации // Там же. – С.56-70.

¹ Авдijenко Д.А. Политические практики в условиях российского демократического транзита // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та. – 2002. – Сер.6. – Вып.2. (14). – С.4-11; Ильченко М.С. Институционализация практик взаимодействия Центра и регионов в постсоветской России // Политическая наука. – 2009. – №3. – С.159-179; Панов П.В. Электоральные практики: проблемы концептуализации и варианты институционализации // Власть в России: элиты и институты. – СПб., 2009. – С.36-56.

² Глазунова Н.И. Система государственного управления / Н.И. Глазунова. – М., 2003; Заславская Т.И. Социальные механизмы трансформации неправовых практик / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. Мамут Л.С. Современная российская государственность и культура демократии / Л.С. Мамут // Государство и право. – 2009. – № 1; Кудрявцев, В.Н. Социальные отклонения: Введение в общую теорию / В.Н. Кудрявцев, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Персесянец. – 2-е изд. – М., 1989.

³ Барсукова, С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания / С. Ю. Барсукова. – М., 2006; Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы / А. Портес // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 5; Радаев В.В. Теневая экономика в России: изменение контуров / В.В. Радаев // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 1; Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу / Р. Рывкина // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 1; Титов В. Социальный механизм функционирования и воспроизводства системы неформальной экономики / В. Титов // Общественные науки и современность. – 2005. – № 4; Седова И. Неформальная экономика в теории и российской практике / И. Седова // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3.

⁴ Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. – СПб.; М., 2001; Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2005.

⁵ Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон. – М., 2006.

Е.А. Гвоздевой, Г.Л. Кертмана, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина¹. Данные апалитики проанализировали итоги социологических опросов, выявляющих проявления неформальных практик, каналы и методы их институционализации. В русле исследования неформальных практик политической деятельности выполнены работы И.М. Клямкина, Л.М. Тимофеева, Р.В. Рывкиной, Е.Н. Митраковой, Л.Я. Косалса, Т.И. Заславской, В. П. Воротникова и др.². Институционализация политических систем постсоциалистических стран проанализирована в диссертации И.Н. Тарасова³.

Одной из важнейших форм институционализации неформальных политических практик в России выступают социальные сети. Их строение и динамика функционирования оцениваются в работах Г.Л. Акопова, Е.С. Алексеевской, Г.Г. Дилигенского, Б.В. Дубина, Л.А. Итиуридзе, А.А. Казанцева, В.М. Сергеева и др.⁴.

¹ Даугавтс А. Неформальные практики российской элиты (Апробация когнитивного подхода) / А. Даугавтс // Политические исследования. – 2003. – № 4; Волков В.В. «Следование правилу» как социологическая проблема / В. В. Волков // Социологический журн. – 1998. – №3/4; Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России / С.Г. Айвазова, Е. А. Гвоздева, Г. Л. Кертман и др.; рук. проекта С.В. Патрушев. – М., 2002; Гудков Л. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов / Л. Гудков, Б. Дубин // Мониторинг общественного мнения. – 2002. – №3(59).

² Клямкин И.М. Теневой образ жизни (социологический автопортрет постсоветского общества) / И.М. Клямкин // Полис. – 2000. – №5; Тимофеев Л.М. Институциональная коррумпция: очерки теории / Л.М. Тимофеев. – М., 2000; Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия / Р.В. Рывкина // Социс. – 2000. – №12; Митракова Е.Н. Институционализация неформальных политико-правовых практик в современной России как угроза национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Митракова. – Ростов н/Д, 2006; Косалс Л. Клановый капитализм в России / Л. Косалс // Перикосновенный запас. – 2006. – №6; Заславская Т. И. Социальные механизмы трансформации неправых «практик» / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2001. – №5; Воротников В.П. Преодоление теневизации российского общества: проблема и решения / В. П. Воротников. – М., 2004.

³ Тарасов И.И. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы : сравнительный анализ : автореферат дис. ... д-ра полит. наук. – Саратов, 2009.

⁴ Акопов Г.Л. Сетевой аспект политики российских партийных элит: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Г.Л. Акопов. – Ростов н/Д, 2003; Алексеевская Е.С. Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей / Е.С. Алексеевская // Полис. – 2007. – №3; Дилигенский Г. Г. Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты / Г. Г. Дилигенский // Мировая экономика и международ. отношения. – 1997. – №7; Дубин Б. Институты, сети, ритуалы / Б. Дубин // Pro et Contra. – 2008. – №2/3; Итиуридзе Л.А. Сетевое политическое управление: опыт теоретического анализа / Л.А. Итиуридзе // Вестник Моск. ун-та Сер.18. Социология и политология. – 2007. – №4; Казанцев А.А. Три сценария «цветной» революции в России. Моделирование сетевой динамики российской политики / А.А. Казанцев // Полис. – 2006. – №1; Сергеев В.М. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В.М. Сергеев, К.В. Сергеев // Полис. – 2003. – № 3.

Неформальным практикам политической элиты России посвящены работы Г.К. Ашнина, О.В. Гаман-Голутвиной, В.Я. Гельмана, А.Б. Даугавет, Ж.Т. Тощенко и др.¹. Первые исследования политических практик постсоветских элит появились к середине 1990-х гг. (работы О.В. Крыштановской, А.В. Понеделкова, М.Н. Афанасьева, А.К. Магомедова, Н.Ю. Лапиной, А.Е. Чириковой)². Определяющей для этих работ стала модель трансформации номенклатуры в политическую элиту. В них анализируются патрон-клиентские отношения в российском обществе, аргументируется преимущественно гильдейский тип рекрутации элит и испульничий характер их активности.

Важное значение имеют работы С.Г. Кирдиной³, разработавшей теорию институциональных матриц. Согласно ее выводам, ослабление формально-институциональных систем трансформирующихся постсоветских обществ стимулирует расширение практик эксплуатации. Причем ресурсами эксплуатации становятся как собственность на средства производства, так и власть, контроль (особенно над процессами перераспределения благ), особые знания и умения, культурное и иное посредничество, ресурсы неформальных социальных сетей и индивидуальные качества.

Проблема персонализации власти рассматривается в работах таких российских исследователей, как А.И. Кива, Н.В. Петров, С.Н. Пшнцова, В.Л. Рим-

¹ Ашнин Г.К. Современные теории элит: критический очерк / Г.К. Ашнин. - М., 1985; Гаман-Голутвина О. Российские элиты как предмет научного анализа / О. Гаман-Голутвина // Общество и экономика. - 2008. - №3/4; Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике / В.Я. Гельман // Полис. - 2003. - №4; Даугавет А.Б. Неформальные практики российской элиты: апробация когнитивного подхода / А. Д. Даугавет // Полис. - 2003. - №4; Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? / Ж.Т. Тощенко // Социс. - 1999. - №11.

² Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / О.В. Крыштановская // Общественные науки и современность. - 1995. - №1; Понеделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России / А.В. Понеделков. - Ростов н/Д, 1995; Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит / М.Н. Афанасьев // Полис. - 1994. - №6; Магомедов А.К. Политические элиты российской провинции / А. К. Магомедов // Мировая экономика и международные отношения. - 1994. - №4; Лапина Н.Ю. Трансформация российской региональной элиты: вперед в номенклатурное будущее? / Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова // Мировая экономика и международные отношения. - 2005. - №6.

³ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. - Новосибирск, 2001.

ский, П.Б. Салин¹. К.Г. Холодковский отмечает, что в плéбисцитарно-бюрократической системе важен не столько институт, сколько лицо².

Важной формой институционализации неформальных политических практик выступает лоббизм. Продвижение интересов бизнес-групп, общественных объединений и социальных групп в политике анализируется С.П. Перегудовым, Н.Ю. Лапиной, И.С. Семеновым, А.Э. Бинецким, П.А. Толстых, А.В. Паврозов и др.³

Исследование специфики неформальных политических практик на региональном уровне проведено в работах А.В. Дахина, А.С. Макарычева, А.К. Магомедова, М.М. Кириченко, Е.В. Морозовой, И. В. Мирошниченко, А. В. Баранова, Ю.Ю. Передерий, С.А. Фомина⁴. Данные исследователи концентрируют внимание на проблемах неформальных социальных сетей, патрон-клиентарных отношений, лоббирования интересов корпоративного бизнеса. Перспективным становится также анализ коррупционных практик в регионах России и антикоррупционной политики в работах Г.А. Сатарова,

¹ Кива А.И. Какой режим формируется в России? / А. Кива // Свободная мысль.– 2007.– №12; Петров И.В. Корпоратизм vs регионализм / И. Петров // Pro et Contra.– 2007.– №4/5; Шишова С.И. Политика как бизнес: российская версия / С.И. Шишова // Полис.– 2007.– №3; Римский В.Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России / В.Л. Римский // Общественные науки и современность.– 2004.– №6; Салин П. «Третий срок» Владимира Путина: кадры решают все: экс-президент сохранил статус верховного арбитра во внутриэлитных конфликтах / П. Салин // Политический класс.– 2008.– №6.

² Холодковский К. Г. К вопросу о политической системе современной России / К. Г. Холодковский // Полис.– 2009.– №2.

³ Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство / С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина, И.С. Семенов. – М., 1999; Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. – М., 2003; Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М., 2004; Толстых П.А. Практика лоббизма в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации. – М., 2006; Паврозов А.В. группы интересов и лоббизм в политике. – СПб., 2006.

⁴ Дахин А.В. Региональная власть как субъект на выборах: различные модели легитимации полномочий глав исполнительной власти / А.В. Дахин, А.С. Макарычев // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сб.ст. / Отв. ред.-сост. Н.Ю. Беляева. – М., 2006. – С. 131-156; Магомедов А.К. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) / А.К. Магомедов, М.М. Кириченко // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная?– М., 2004.– С. 267-311; Морозова Е.В. Сетевой подход в современной политической компаративистике / Е. В. Морозова, И.В. Мирошниченко // Полис.– 2009.– №2; Баранов А.В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России / А.В. Баранов.– М., 2005; Передерий Ю.Ю. Влияние бизнес-субъектов на принятие политических решений: сравнительный анализ общероссийского и регионального уровней; дис. ... канд. полит. наук / Ю.Ю. Передерий. – Краснодар, 2006; Фомин С.А. Крупная корпорация в региональном политическом процессе: дис. ... канд. полит. наук / С. А. Фомин. – Краснодар, 2008.

С.С. Сулакшина, А.В. Понеделкова, С.А. Панкратова и других исследователей.¹

Таким образом, неформальные политические практики в современной России являются актуальной темой исследований. В совокупности публикаций преобладают социологические и правовые исследования проблемы. Анализ отдельных политических практик, форм и каналов их институционализации чаще всего проводится вне контекста целостной системы взаимодействий акторов политики. Данные обстоятельства определили выбор ракурса нашей работы.

Объект диссертационного исследования – неформальные политические практики в современной России.

Предметом диссертационного исследования являются субъекты неформальных практик в постсоветской России в процессе их институционализации, направления и тенденции их деятельности, ресурсы влияния.

Хронологические рамки исследования – постсоветский период (с 1992 г. по настоящее время).

Территориальные рамки исследования включают в себя Российскую Федерацию.

Цель диссертационного исследования – выявить основные характеристики субъектов институционализации неформальных политических практик в постсоветской России, служащие индикаторами динамики политических процессов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- дать авторскую трактовку понятия «неформальные политические практики» на основе сравнительного анализа основных теоретико-методологических подходов;
- определить параметры влияния модели стратификации общества на характер неформальных политических практик в современной России;
- охарактеризовать институционализацию неформальных политических практик на основе нормативного подхода;
- выявить значение и регулятивные формы социальных сетей в институционализации неформальных политических практик в постсоветской России;
- раскрыть влияние патрон-клиентарных отношений на степень распространения неформальных политических практик;

¹ Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции.– М., 2002; Антикоррупционная политика / Под ред. Г.А. Сатарова.– М., 2004; Сулакшин С.С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России / С.С. Сулакшина, С.В. Максимов, И.Р. Ахметзянова и др.– М., 2008; Понеделков А.В. Коррупционные и антикоррупционные аспекты государственной гражданской службы / А.В. Понеделков, В.В. Рудой, А.М. Старостин // Проблема коррупции: пути междисциплинарного исследования. – Астрахань, 2009. – С. 7-10; Панкратов С.А. Политическая элита и бизнес-сообщество в коррупционном пространстве современной России // Элиты и будущее России: взгляд из регионов. – Ростов н/Д, 2007. – Вып.1.– С.161-163.

- определить характер лоббирования интересов корпоративного бизнеса в политических институтах власти России.

Гипотеза исследования состоит в том, что неформальные практики выступают в качестве существенных элементов институционального дизайна и регулируют поведение субъектов политики. Неформальные практики наиболее характерны для общества незападного типа. Они становятся преобладающим механизмом регуляции политических отношений на стадии институциональной трансформации, во время кризиса и разрушения прежних институтов. Доминирующей формой институционализации субъектов политики в России является клановый патернализм, который преобладает над их формально-правовыми взаимодействиями.

Теоретико-методологической основой исследования является неоинституциональный подход в его нормативистском варианте (по Дж. Марчу и Й. Олсену)¹. Политические институты трактуются в качестве принятых в обществе «правил игры», определяющих стереотипное поведение акторов политики.

Основными прикладными методами выступают: экспертный опрос «Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации», проведенный соискателем в апреле-мае 2010 г., вторичный анализ анкетных социологических данных.

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает в себя следующие материалы:

- нормативно-правовые акты органов власти Российской Федерации и Краснодарского края;

- материалы периодической печати (журналов, газет, Интернет-ресурсов);

- результаты вторичного анализа социологических исследований, осуществленных И. М. Клямкиным, Л. М. Тимофеевым, Р. В. Рывкиной, Л. Косалсом, Т. И. Заславской, В. В. Волковым, О. В. Крыштановской, А. Б. Даугавет и др.²; социологическими центрами (РОМИР, ВЦИОМ, «Левада-Центр»)³.

Среди законодательных актов особое внимание уделено Конституции

¹ March J.G. Olsen J. P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. – N.Y., 1989.

² Клямкин И. М. Теневой образ жизни (социологический автопортрет постсоветского общества) / И. М. Клямкин // Полис. – 2000. – №5; Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция: очерки теории / Л. М. Тимофеев. – М., 2000; Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия / Р. В. Рывкина // Социс. – 2000. – №12; Косалс Л. Клановый капитализм в России / Л. Косалс // Неприкосновенный запас. – 2006. – №6; Заславская Т. И. Социальные механизмы трансформации неправовых «практик» / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2001. – №5; Волков В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб., 2008; Крыштановская О. В. Современные концепции политической элиты и российская практика / О. В. Крыштановская // Мир России. – 2004. – №4; Даугавет А. Б. Неформальные практики российской элиты: апробация когнитивного подхода / А. Д. Даугавет // Полис. – 2003. – №4.

³ <http://www.romir.ru/>; <http://wciom.ru/>; <http://www.levada.ru/>

Российской Федерации, Федеральному закону «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», Указу Президента РФ «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» и др. Анализ законодательных актов важен для трактовки нормативной подсистемы политики, выяснения официального дискурса политических практик.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- дана авторская трактовка понятия «неформальные политические практики» на основе сравнительного анализа основных теоретико-методологических подходов;

- определены параметры влияния модели стратификации общества на характер неформальных политических практик в современной России;

- охарактеризована институционализация неформальных политических практик на основе нормативного подхода;

- выявлены значимые и регулятивные формы социальных сетей в институционализации неформальных политических практик в постсоветской России;

- раскрыто влияние патрон-клиентарных отношений на степень распространения неформальных политических практик;

- определен характер лоббирования интересов корпоративного бизнеса в политических институтах власти России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Неформальные политические практики определяются нами как постоянно воспроизводимые стереотипные правила взаимодействия субъектов политики, установленные и поддерживаемые посредством социокультурных регуляторов: ценностей, политических ориентаций, установок деятельности, а не формально-правовых норм. Цели неформальных политических практик – получение публичной власти и (или) увеличение ресурсов власти субъекта политики. Атрибутивными качествами неформальных политических практик выступают: типичность, интересосубъективность, прогнозируемость поведенческих актов и взаимодействий субъектов политики. Функции неформальных практик в политическом пространстве состоят в том, что они конструируют и воспроизводят основные способы существования субъектов политики, обеспечивают удовлетворение их потребностей и достижение целей. Они восполняют неэффективность формальных институтов и практик общества, интегрируют согласованное коммуникативное пространство.

В условиях современного российского общества политика органов государственной власти порождает существование особого поля взаимодействия акторов, регулируемого как формальными нормами, так и неформальными правилами.

2. Модель стратификации постсоветского общества оказывает определяющее влияние на характер неформальных практик, которые обуславливаются социальными позициями и ролями субъектов политики. Данное влияние

определяется такими параметрами стратификации, как чрезмерная поляризация социальных статусов и неравенство доходов, слабость среднего класса, низкая эффективность государственной политики смягчения неравенств. В условиях институциональной неопределенности и повышенной мобильности роль неформальных практик возрастает. Постсоветские политические элиты обеспечивают свою власть вследствие обладания доминирующими ресурсами влияния, поддержания патрон-клиентарных отношений и неформальных сетей коммуникации.

3. Нормативный подход к исследованию институционализации неформальных политических практик позволяет наиболее эффективно раскрыть характер их формирования и развития. Наиболее важным элементом при определении институционализации нормативный подход считает социальные нормы, детерминирующие представления и действия субъектов политики. Такие нормы существуют автономно от индивидов, объективно и имеют принуждающую силу. Приоритетное значение институционализм отводит не формальным структурам, правилам и процедурам, а совокупности ценностей, на основе которых индивиды и их объединения строят свое поведение. Институционализация неформальных практик означает, что они обретают устойчивость и повторяемость в силу своего соответствия базовым ценностям общества. Устойчивость практик формируется по мере того, как в итоге регулярных социальных взаимодействий субъекты политики согласуют свои мотивации активности, вырабатывают общепризнанные конвенции и нормы.

4. Политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных субъектов политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения согласия по интересующему всех вопросу, используя формальные и неформальные правила. Политические сети имеют как институциональные, так и неинституциональные регулятивные формы. В первом случае они включены в легальные институциональные структуры регулирования отношений, регламентируемых действующим законодательством. Во втором случае – они регламентированы нравственно-этическими и корпоративными нормами. Противоречия, возникающие между институциональной и неинституциональной регулятивными формами, являются основой правовой легитимации политических сетей в структуре государственного управления.

5. Причинами сохранения патрон-клиентарных отношений в российском обществе являются объективные факторы: традиционный и подданнический (преимущественно) тип политической культуры, гильдейский характер рекрутации элит, поляризованная модель стратификации, конфликтный тип отстаивания корпоративных интересов. Усилившаяся за 2000-е годы монополизация экономической и государственной власти привела к институциональному укреплению неформальных практик. Закрытость, клановость, фаворитизм, семейственность, клиентелизм, круговая порука остаются атрибутивными характеристиками практик субъектов политики. Распространенность и влияние

клиентарных связей являются индикатором степени традиционализма политических практик и зависят от преобладающего типа политической культуры.

6. Лоббирование интересов корпоративного бизнеса в политических институтах власти России носит вертикально-интегрированный и государственно-регулируемый характер. Поддерживая устойчивость баланса интересов между финансово-промышленными группировками и отраслевыми административными элитами, лоббизм создает предпосылки закрепления неформальных сетей на уровне государственной власти. Эффективность лоббизма в современной России в большей мере обеспечивается неформальными практиками взаимодействия групп интересов в политическом процессе, а не нормативно-правовым регулированием. Представители лоббистских структур в ходе своей конкуренции придерживаются государственно-корпоративной модели взаимодействия, ограничивая влияние малого и среднего бизнеса, целояльных государственных властей на процесс принятия политических решений. Централизация государственной власти в 2000-х гг. создала дисбаланс отраслевого и территориального лоббизма. Модернизация института лоббизма в неформальных политических практиках невозможна без кардинальной реформы политической системы России на основе транспарентного перераспределения ресурсов власти и демократической конкуренции.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в совершенствование понятийного аппарата и методики анализа институционализации неформальных политических практик в России, позволяет провести сравнительный анализ специфики проявлений неформальных политических практик на различных этапах постсоветских трансформаций, а также в различных странах и регионах постсоциалистического пространства.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения ее материалов и выводов во взаимодействиях органов государственной власти и местного самоуправления, политических элит и политических партий, общественных организаций. Положения и выводы работы применимы в совершенствовании государственной антикоррупционной политики, в освоении демократических практик политической активности субъектами политического процесса, а также в учебном процессе вузов по направлению «Политология».

Материалы исследования могут быть полезны в ходе преподавания дисциплин «Институциональная политология», «Политическая элитология», «Политические отношения и политический процесс в современной России», «Группы интересов и лоббизм» в высших учебных заведениях и структурах дополнительного профессионального образования.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы представлены в выступлениях соискателя на научных конференциях «Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани» (г. Сочи, 2007 г.), «Актуальные проблемы социального развития российской молодежи и пути оптимизации государственной молодежной политики» (г. Краснодар, 2009 г.), «Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук»

(г. Воронеж, 2009 г.); международной научной конференции «Проблемы глобальной политики и безопасности современной России» (г. Санкт-Петербург, 2009 г.), «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия» (г. Сочи, 2009 г.), всероссийской научно-практической конференции «Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты» (г. Армавир, 2010 г.), «Российское общество XXI века: новые вызовы – новые ответы» (г. Азов, 2010 г.), «Актуальные проблемы социального развития российской молодежи и пути оптимизации государственной молодежной политики» (г. Краснодар, 2010 г.).

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 10 научных публикациях автора общим объемом 3,5 п.л., в т.ч. 2 публикациях в научных журналах рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для публикации результатов диссертационных исследований по политическим наукам.

Основные положения и выводы диссертации апробированы в преподавании дисциплин «Социология молодежи» и «Социология» на факультете истории, социологии и международных отношений ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедр социологии, политологии и политического управления ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования и включает: введение, две главы, состоящих из шести параграфов, заключение, библиографический список, приложения. Структура диссертации реализует проблемно-логический принцип.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования. Характеризуется степень изученности проблемы. Формулируются объект и предмет исследования. Ставятся цели и задачи, излагаются методы исследования, научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, дается оценка теоретического и практического значения диссертации. Приводятся сведения об апробации ее результатов.

В первой главе «Теоретико-методологические подходы к изучению неформальных политических практик» анализируются основные теоретические подходы к проблемам влияния неформальных политических практик на процесс институционализации, на их легализацию.

В первом параграфе первой главы «Неформальные политические практики как объект научного исследования» рассматриваются разнообразные трактовки понятия «неформальные политические практики».

Практики могут рассматриваться в обыденном (повседневном) и в деятельном аспектах. Обыденное, повседневное измерение практик подчеркивает привычки, стереотипы, привязанности и симпатии индивидов, в то время как деятельностный аспект практик выделяет целенаправленность, рациональность

в поведении. Если разложить на составляющие понятие практики, то она начинается с результата (исходного продукта), проходит стадию теста этого продукта на своевременность, востребованность, эффективность, затем этап анализа предшествующей политики и выход на новый цикл (в цепочке цель-средство-результат).

Неформальные практики в разных науках интерпретируются по-разному. Распространение это понятие получило в экономических, правовых и политических науках. В экономических науках неформальные практики анализируются как реальные для хозяйственной деятельности действия, направленные на адаптацию к новым экономическим реалиям всех субъектов рыночных отношений – представителей бизнеса, органов власти.

Правовыми науками под «формальными» социальными практиками действующих акторов понимается правовая и/или административный характер их направленности. Под «неформальными» социальными практиками таких акторов мы будем понимать, соответственно, неправовой и/или «неадминистративный» характер направленности их действий.

В политической науке под неформальными практиками понимаются любые действия политических акторов, обусловленные их собственными социальными, экономическими и политическими интересами. Интерпретация неформальных практик социологическими науками исследуется, прежде всего, представителями неонституционализма. Продуктивным для исследования неформальных практик является положение о том, что политические акторы вовлечены во взаимодействие и его структуры, и это сильно влияет на их поведение. Исследование компонентов неформальных практик на уровне организации приводит к не менее важному положению о том, что политические отношения укоренены в сетях межличностных отношений.

Все разнообразие подходов к интерпретации неформальных политических практик можно разделить по следующим основаниям: постоянные действия и взаимодействия, которые производит индивид, нормы неофициальных правил, цепностей; особые правила «политической игры»; отношения партнеров, воздействующих друг на друга в процессе взаимодействия; типичные, постоянно воспроизводимые действия субъектов политики, обусловленные их социально-культурными, экономическими интересами; неправовой («неадминистративный») характер действующих акторов.

Автор работы предлагает собственное определение неформальных практик в политологическом аспекте – это типичные, постоянно воспроизводимые действия субъектов политики, обусловленные их социально-культурными и экономическими интересами и традициями, существующими на определенной территории. Цель – получение власти и (или) увеличение ресурсов власти.

На основе изложенного материала можно сделать выводы:

1. Неформальные практики как принятые в обществе – это обычно неписаные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов. Формальные практики – это такие

правила и процедуры, которые создаются, становятся известными и насаждаются через каналы, общепризнанные в качестве официальных.

2. Под неформальной практикой можно считать практически любое поведение, выходящее за рамки писаных правил (норм) или не предусмотренное ими. Не всякое поведение, строящееся по известным образцам, связано с соблюдением каких-либо правил. Поведенческие закономерности могут быть плодом самых разных мотиваций, которая должна соответствовать сложившимся правилам, нарушение которых приводит к тем или иным внешним санкциям.

3. Если официально установленные правила вступают в противоречие с реальными политическими практиками, последние становятся фактически нелегальными, создавая благоприятную почву для коррумпирования органов власти, «закрывающих глаза» на неизбежные несоответствия. В результате агенты попадают в полную зависимость от «персонализированного государства», т.е. конкретных чиновников, и во многом утрачивают возможность прогнозировать последствия своих действий, что снижает потенциальный эффект транзакций между ними. Таким образом, правила данного типа расширяют неформальную сферу вмешательства бюрократии в политические процессы и одновременно препятствуют поступлению адекватной информации о ситуации в обществе на средние и высшие этажи государственного аппарата. Кроме того, тесные отношения между агентами, вынужденными ввиду неэффективности формальных правил придерживаться нелегальных практик, и бюрократами низшего звена не позволяют искоренить коррупцию.

Институциональные изменения – сложный и многогранный процесс. Формальные правила можно изменить в один день (путем принятия соответствующих политических решений или юридических актов). Но неформальные ограничения (обычаи, традиции, кодексы поведения и т.д.) гораздо менее восприимчивы к рациональному нормотворчеству и в гораздо меньшей степени поддаются целенаправленному усовершенствованию.

Во втором параграфе первой главы «Влияние модели стратификации общества на характер неформальных политических практик в современной России» изучена российская социальная система как среда неформальных политических практик.

Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Появившиеся различные формы собственности привели к рождению новой социальной структуры с новыми формами социальной дифференциации. Основной характеристикой современного российского общества является его социальная поляризация, расхождение на большинство бедных и меньшинство богатых. Таким образом, налицо конфликт между сущностью проводимых экономических реформ и ожиданиями и стремлением большинства населения. Пространство социальной стратификации как бы свертывается практически к одному показателю – имущественному (капитал, собственность, доход).

Движущей силой и главным инструментом борьбы за конкретные институциональные перемены служит трансформационная активность (совокупность социально значимых действий) индивидуальных и коллективных акторов – индивидов, организаций и групп, движимых различными мотивами, интересами, потребностями и ценностями.

Специфика процесса трансформации российского социума в том, что важнейшим актором данного процесса была и остается властная элита. Необходимо выделить некоторые характерные особенности властной элиты как актора трансформационного процесса. Все эти характеристики можно разделить на три вида.

1). Структурные: независимость от гражданского общества; неоднородность – она формировалась из представителей прежней номенклатуры, инициировавшей перестройку, нового поколения прозападно настроенной интеллигенции, предпринимателей; неопределенность социального статуса в условиях трансформирующегося общества; организация по принципу команды «семьи», «клана» на основе личной зависимости, деление на «своих» и «чужих», наличие различных группировок во властных структурах.

2). Функциональные: наличие практически неограниченного ресурса властных полномочий; возможность контроля огромных финансовых и иных ресурсов; принятие решений в условиях отсутствия законодательно закрепленных «правил игры»; подверженность различным влияниям, наличие тайной и явной политики, постоянная борьба за власть, интриги; подчинение не праву, но лицу, правовая незащищенность, практически полная зависимость каждого от воли властного центра, от случайной конфигурации различных векторов сил; коррумпированность и криминализированность.

3). Ментальные: идеологическая разобщенность – «либералы» элитарной команды, занимавшие ключевые позиции в органах исполнительной власти и «левая оппозиция» представленная в органах законодательной власти; явно выраженное противоречие государственных корпоративных и личных интересов, противоречивость целей; отсутствие правовой культуры и профессионального этики; ориентация на краткосрочные цели, неуверенность в будущем.

Смена типичных способов поведения ведет к трансформации соответствующих практик, а накопленные сдвиги в практиках, реализующих тот или иной институт, приводят к изменению содержания этого института. Поведенческие стратегии, избираемые разными группами населения, оказывают влияние на развитие трансформационных процессов.

Для установления среды политических практик использовался деятельностно-субъектный подход, потому что он дает динамическую картину политики. Он предполагает ее рассмотрение как специфического вида деятельности, как циклического процесса, имеющего определенные этапы. Функционирование политических структур общества невозможно представить без субъектов. Деятельностный подход предполагает объяснение структуры показателей через действие, выяснение того, как конкретные действия формируют,

развивают сознание и образуют его структуру. Задача состоит в том, чтобы выяснить, какие внутренние и внешние факторы являются определяющими причинами образа действий индивидов. Субъективное – сложный объект изучения. Оно имеет явный и латентный характер, имеет как феноменологический, так и предметный характер проявлений. В реальной жизни субъективное выражается не только в явлениях сознания, но и в особых ментальных средствах и отношениях.

В третьем параграфе первой главы «Институционализация неформальных политических практик в России: особенности и тенденции» рассматривается процесс институционализации. Необходимыми условиями институционализации выступают возникновение потребности в новых видах социальной деятельности, организации, ее осознание, пусть и незначительной частью социума. Институционализация – это процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, которая способна действовать в направлении удовлетворения общественной потребности. Институционализация – это замена спонтанного и экспериментального поведения на предсказуемое поведение, которое ожидается, моделируется, регулируется.

В трансформирующихся обществах ослабление институциональных систем нередко приводит к тому, что отклонение реальных практик от формальных стабилизируется, в результате чего они приобретают устойчиво неформальный характер. Институционализация неформальных практик означает изменение (перерождение) институтов.

Смена типичных способов поведения ведет к трансформации соответствующих практик, а накопленные сдвиги в практиках, реализующих тот или иной институт, приводят к изменению содержания этого института. Таким образом, поведенческие стратегии, избираемые разными группами населения, оказывают едва ли не решающее влияние на развитие трансформационных процессов.

В России влияние неинституциональных факторов – историческая традиция, которая складывалась в условиях принятия политических и государственных решений при отсутствии реального оппонирования отдельными лицами или узким кругом лиц. Особенно многообразно взаимодействие институциональных и неинституциональных практик на региональном уровне, где функционирование политических процессов определяется преобладанием административных ресурсов действующих губернаторов и складывающимися личными отношениями между губернаторами и мэрами, администрациями и директоратами, местной властью и бизнесом. На местах создали сети отношений, локальные управленческие структуры, что с начала реформ закладывало основы потенциальных конфликтов, приводило к их усилению и, в конечном счете, создавало угрозу целостности страны.

Анализ процесса институционализации политических отношений позволяет говорить о том, что коллективные формы удовлетворения политических потребностей обусловлены общественной природой самого человека и

именно политические практики, формирование которых видится объективизирующим и материализованным следствием институционализации политики, во многом служат залогом стабильности и предсказуемости политической жизни. Сам же процесс институционализации представляется сложным, противоречивым, но объективно востребованным современными политическими процессами явлением.

Неформальные правила, составляющие значительную часть институционального арсенала российской элиты, выступают в качестве не девизных, а функциональных элементов, которые, персплетаясь с формальными нормами, регулируют поведение носителей власти. В результате беспрецедентное расхождение формальных норм с неформальными практиками оказывается не проявлением антагонизма между легитимной системой управления и ценурмативными отклонениями от нее, но неотъемлемой чертой единого, стабильно функционирующего организма власти, саму суть которого составляет рутинизация нарушения формального.

Основным мотивом к созданию акторами неформальных правил является неполнота формальных институтов. Формальные правила задают общие параметры поведения, но они не могут учесть все варианты. Соответственно, акторы, действующие в рамках конкретных формальных институтов, таких как бюрократические и законодательные учреждения, вынуждены разрабатывать нормы и процедуры, упрощающие их работу или же относящиеся к проблемам, не предусмотренным в формальных правилах. Влияние перемен в формальных правилах не следует переоценивать. Многие неформальные практики продемонстрировали свою живучесть даже перед лицом крупномасштабных юридических или административных реформ.

Во второй главе «Институциональные формы неформальных практик в постсоветской России» рассматривается процесс совершенствования институциональных форм, которые образуют конкретную институциональную среду общества. Они изменчивы и постоянно модифицируются.

В первом параграфе второй главы «Роль социальных сетей в институционализации неформальных политических практик в России» исследуются политическая сеть представляющая систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные правила. Политико-управленческие сети отличаются от других типов сетевых структур, прежде всего тем, что соединяют в себе государственных и негосударственных акторов. Кроме того, в подобных сетях одновременно действуют как официальные нормы, так и неформальные правила игры. В них идет интенсивный обмен властными, экономическими, информационными и иными ресурсами, основанный на совместных интересах, устойчивых коммуникациях, социальных взаимосвязях и заключаемых между акторами конвенциях.

Как способ социальной организации политические сети имеют как институциональные, так и неинституциональные регулятивные формы. В первом случае они включены в легальные институциональные структуры правового регулирования отношений, регламентируемые действующим законодательством. Во втором случае – обусловлены морально-этическими и корпоративными правилами. Противоречия, возникающие между институциональной и неинституциональной регулятивными формами, являются основой правовой легитимации политических сетей в структуре государственного управления.

Формальные и неформальные политические практики в равной степени освоены участниками социальных сетей в процессе конвертации политического капитала. К неформальным практикам конвертации политического капитала относятся рекрутирование элит на основе персонализированных связей, лоббизм, коррупция. Сетевой капитал имеет много общего с другими видами капиталов: его можно накапливать, инвестировать, он может приносить доход и преобразовываться в другие виды капитала.

Во втором параграфе второй главы «Патрон-клиентарные отношения субъектов неформальных политических практик» анализируется практика патрон-клиентарных отношений субъектов неформальных политических практик.

Властные отношения строятся на основании обмена ресурсами. Проблема властных отношений требует углубленного исследования. Модель социального обмена и близкая к ней модель рационального выбора строятся на идее, что смысл действия задается расчетом баланса выгод и ущерба, ожидаемых в результате его совершенствования. Каждый участник взаимодействия получает выгоду в итоге действий других участников и в свою очередь совершает действия, приносящие им выгоду. В качестве выгод рассматриваются как материальные блага, так и нематериальные, символические блага – знаки уважения, престижа и т. п.

Вся система неформальных политических связей образует клиентелу. В российской политической практике 1990-х гг. клиентелизм получил мощное развитие в связи с тем, что иерархические оболочки были ослаблены постоянными преобразованиями. Клиентелизм вышел наружу и обнаружил себя в такой яркой и недвусмысленной форме, что его приоритет над рациональной бюрократией стал очевиден. Новая российская элита стала стремительно возвращаться к патримониальным устоям политик прошлого. Но в отличие от помпезных обоев с их геометрией мини-пирамид, встроенных в большие пирамиды политических иерархий, российский клиентелизм приобрел иные формы. Возникшие множественные центры власти раскололи элиту на кланы, которые были устроены по типу слоеного пирога: верхний слой такого «пирога» представлен публичным политиком, являющимся символом клана. Второй слой – группа его политической поддержки. Третий – группа экономической поддержки, представленная финансово-промышленным капиталом. Далее – обслуживающие интересы данной группы средства массовой ин-

формации. И, наконец, – частные армии и спецслужбы – приватизированные части государственных силовых структур.

Стоит признать, что в современной России развитие клиентелизма, нескоординированность государственного управления тесно связаны друг с другом. Это, в свою очередь, ведет не только к разрушению государства как основной формы организации публичной власти, но и к более серьезным последствиям. Сегодня в руках органов публичной власти сосредоточены слишком большие ресурсы, они оказывают слишком большое влияние на общество и на природу, чтобы можно было допустить связанный с клиентарными структурами произвол и непрогнозируемость. Решающую роль здесь играют личные желания и устремления патрона. Глобализация клиентарных отношений неизбежно ведет к широкомасштабному произволу, раздробленности и усилению существующих личных зависимостей. Поэтому существующая практика создания в государственном управлении условий, препятствующих развитию клиентарных связей, представляет определенный интерес.

Клиентелизм питается, а часто целенаправленно паразитирует на недоверии людей к официальным институтам и формам социальной интеграции. В основе воспроизводства патрон-клиентных отношений лежат реакция на утрату первичного доверия между индивидами и стремление к его воссозданию. Отвечая на потребность в непосредственности человеческих отношений, «личные связи» не приемлют и даже прямо противопоставляют себя всякому опосредованию, «овнешнению» и формализации, то есть всякому институциональному порядку. В случае использования таких связей в качестве каналов обмена ресурсами власти, они сами подвергаются ритуализации и отчуждению. Когда институционализированные формы общежития пользуются общественным доверием, интерперсональные связи – интегрированные в институциональную среду, играющие заметную роль в социальной жизни – косвенно поддерживают институциональный порядок. В условиях же кризиса институтов и социального отчуждения «личные связи» противопоставляются официальным учреждениям и процедурам. Отрицание существующего институционального порядка приводит акторов, стремящихся возродить доверие между индивидами, к проблеме его (доверия) институционализации. Попытки создать область доверия поверх данного институционального порядка воспроизводятся во всех обществах. Но они никогда не осуществляются вне институционального порядка. Важно отметить, что такие качества, как закрытость, клиентелизм, ступо корпоративная ориентация – были и остаются важными характеристиками постсоветской элиты. Именно они являют сущность клановых отношений.

В третьем параграфе второй главы «Лоббирование интересов корпоративного бизнеса в политических институтах власти РФ» рассмотрены особенности лоббистской деятельности в политических институтах власти.

Процесс лоббирования поддерживает баланс устойчивости между государственными институтами. Эта особенность процесса лоббирования интересов важна для государства. Но для нас, в контексте рассматриваемой пробле-

мы важно другое. Поддерживая баланс устойчивости политической системы, лоббирование создаёт первые предпосылки для формирования сетей уже на уровне государственной власти.

В работе подчеркнуто, что в России институты лоббирования фактически созданы в рамках «неформальной» институционализации и выполняют свои функции в политической системе.

В результате проведенного опросом исследователя выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных (76,3%) не верят в то, что российское государство может быть независимым от лоббистского воздействия. 10,5% респондентов придерживаются противоположной точки зрения, а еще 10,5% затруднились ответить на этот вопрос.

Позиция экспертов в вопросе, какая из ветвей государственной власти в большей степени подвержена лоббистским действиям следующая: большая часть респондентов ответила, что и судебная, и исполнительная, и законодательная ветви власти в равной степени подвержены лоббистским действиям (39,5%). В то же время 28,9% участвующих в исследовании экспертов отмечают, что именно на законодательном уровне проявляется лоббирование заинтересованных групп. Судя по опросу лоббистов, приходится на исполнительные органы власти (23,7%). Продвижения интересов в органах судебной власти составляет, с точки зрения респондентов 2,6%.

Полученные данные говорят о том, что большинство респондентов не верит в позитивные методы лоббирования. Объяснение этому, по-видимому, кроется в доверии лоббистской деятельности, которая всегда связывалась с деятельностью, направленной на представителей официальной власти. Негативизма в восприятии лоббизма добавляет и общее негативное восприятие таких понятий как «политика», «чиновник».

На основе сделанного анализа делается вывод о том, что в современной российской политической системе интересы крупного бизнеса пересекаются с интересами государства и, в результате, происходит обмен административного ресурса на экономический капитал, выгоды и преференции.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы выводы исследователя и его рекомендации.

Неформальная составляющая институционального процесса усилилась, о чем свидетельствуют многочисленные социальные, политические и экономические индикаторы. Важнейшее звено этих тенденций заключается не только в том, что неформальная сторона политических отношений, функционировавшая и в предыдущие эпохи, вышла из своей ниши и стала претендовать на особый статус и место за пределами определенных морально-этических и правовых норм.

Практика – многогранное, многоаспектное явление политической жизни. Политические практики – это институциональное взаимодействие различных властных, экономических, правовых и других структур применяющих согласованность, правила, процедуры, конвенции для согласования индивидами своих интересов. Практика незримо присутствует в поле политики, связывая и

координируя индивидов в «ансамбль», превращая их политическую жизнь в политическую жизнь агентов поля. Практики понимаются как упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности, которые раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве.

Распространение неформальных политических практик влечет серьезные негативные последствия. Во-первых, они экономически, политически и культурно ослабляют государство и уменьшают шансы на выведение России из кризиса. Во-вторых, подрывают авторитет закона и веру граждан в возможность справедливого решения вопросов через правоохранительную систему. В-третьих, замедляют формирование современной деловой этики, ведут к криминализации целых сегментов экономики, политики. В-четвертых, усиливает и персонализирует социальную дифференциацию общества.

Между тем сегодня неформальные политические практики не просто широко распространены: идет активный процесс их институционализации, т.е. превращения в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему политических и иных общественных отношений, становится привычным образцом поведения социальных акторов и постепенно интернализуется ими.

Неформальные практики объединяет одно важное свойство: их распространение и институционализация не являются результатами относительно автономных факторов, замыкающихся на сфере политики. В действительности неформальные политические практики находятся в органической связи и тесной взаимозависимости с такими же практиками в экономической, правозащитной, управленческой сферах.

Неформальные политические практики – это лишь один элемент системы неформальных социальных практик, распространившихся в последние годы на все сферы жизнедеятельности общества. В основе воспроизводства этой системы лежит сложный многоуровневый социальный механизм, движимый, прежде всего, интересами высокоресурсных социальных групп: элиты, бюрократии, кланов.

Все это указывает на то, что для ослабления неформальных практик в сфере политики требуется комплекс специальных мер, стимулирующих выход взаимодействующих в данной сфере акторов из «теневого» пространства в сферу легальных, прозрачных, контролируемых государственных отношений.

С нашей точки зрения необходимо внести корректировки в стратегию рыночных реформ, которые в итоге уводили бы от неформальных политических отношений, а не приумножали бы их. Для решения этих задач можно предложить следующее:

- в рамках административной реформы создать методологии идентификации публичной полезности неформальных практик;
- разработать технологии политической институционализации их конструктивных форм;
- выработка технологий противодействия телевым практикам власти;
- создание общественных советов при органах государственной власти;

- активное внедрение технологии «электронной демократии»;
- публичные слушания при обсуждении важнейших вопросов в государственных органах власти;
- переход к конкурентной и гласной рекрутации политических элит и государственных служащих;
- введение специальных консультационных органов при государственной Думе, которые состояли бы из представителей различных направлений бизнеса и общественных организаций и могли непосредственно влиять на принятие решений по вопросам лоббирования;
- принимая во внимание сложность проблемы лоббирования в РФ, предлагаемый Федеральный закон о регулировании лоббистской деятельности представляется целесообразным в порядке эксперимента первоначально ввести в действие на ограниченный срок в одном или нескольких субъектах РФ, чтобы на практике отработать формы и методы правового регулирования лоббизма и оценить их эффективность. Это позволит при необходимости внести в содержание закона коррективы до его введения в действие в стране в целом.

**По теме диссертации опубликованы следующие работы
соискателя общим объемом 3,5 п.л.:**

1. Подхомутникова М.В. Неформальные практики политической элиты: контуры понимания и объяснения // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – №4. – С.394-399. (0,4 п.л.)
2. Подхомутникова М.В. Молодежь и политика: формальные и неформальные практики власти в сознании молодежи // Социум и власть. – Челябинск, 2009. – №2. – С.31-35. (0,4 п.л.)
3. Подхомутникова М.В. Политические практики молодежи Кубани // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани. – Краснодар: Традиция, 2007. – С.214-217. (0,3 п.л.)
4. Подхомутникова М.В. Неформальные практики власти: процесс институционализации // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук: межвуз. науч. сб. – Воронеж: Научная книга, 2009. – Вып. 7. – С.310-314. (0,4 п.л.)
5. Подхомутникова М.В. Легитимация неформальных практик в сознании молодежи // Актуальные проблемы социального развития российской молодежи и пути оптимизации государственной молодежной политики: материалы межрегион. науч.- практ. конф. / Кубан. гос. ун-т; департамент молодежной политики. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. – С. 147-151. (0,3 п.л.)
6. Подхомутникова М.В. Региональная элита России: неформальные практики (на примере Кубани) // Проблемы глобальной политики и безопасности современной России: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28-29 мая 2009 г. – СПб.:Изд-во Балт.гос.техн.ун-та, 2009. – Ч.1. – С.93-98. (0,4 п.л.)

7. Подхомутникова М.В. Механизмы идентификации молодежи в политических практиках // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: межрегион науч.-практ.конф., 2-6 окт.2009 г. XVI Адлерские чтения.– Краснодар: Традиция, 2009. – С. 328-331. (0,3 п.л.)

8. Подхомутникова М. В. Неформальные политические практики как объект научного исследования // Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ.конф. (5-6 марта 2010 г.). В 3 т. – Армавир: Изд-во Армавирск.гос.пед.ун-та, 2010.– Т.1.– С.239-244. (0,4 п.л.)

9. Подхомутникова М.В. Институционализация неформальных политических практик в современной России // Российское общество XXI века: новые вызовы - новые ответы: региональная науч.-практ.конф. (16 марта 2010 г.).– Азов: Азовский институт экономики, управления и права, 2010.– С. 52-56. (0,3 п.л.)

10. Подхомутникова М.В. Неформальные политические практики молодежи в контексте социальности // Актуальные проблемы социального развития российской молодежи и пути оптимизации государственной молодежной политики: материалы межрегион. науч.-практ. конф.– Краснодар: Просвещение-Юг, 2010.– С.131-135. (0,3 п.л.)

Подхомутикова Марина Викторовна

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СУБЪЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Автореферат

Бумага тип. №2. Печать трафаретная.
Тираж 100 экз. Заказ № 811

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Центр "Универсервис", тел. 21-99-551.

10 - 28353

20104
28333

Из фондов Российской национальной библиотеки